По ее вине стало больше того, к чему следовало относиться с осторожностью.

Она знала, что лучше всего забыть, если это вообще возможно.

Но она уже полностью осознавала – себя не обманешь.

Как она это ни ненавидела, как ни желала стереть, но грудь распирало чувство полной беспомощности.

Честно говоря, она была недостойна даже думать о таком, и тем не менее…

Такой человек лучше бы вообще ни о чем не думал, и тем не менее…

Хорошо, когда родное место просто есть.

Поэтому она не хотела с ним расставаться.

Что если это выйдет наружу?

Нельзя. Ни за что нельзя этого допустить.

И значит, в то место ей уже не вернуться.

Пятиугольник разломится.

Поэтому надо как-то это все скрыть.

Справится ли она? Выдержит ли? Сможет ли обмануть? Сможет ли защитить?

Как не хочется все рушить.

■□■□■

Три дня после возвращения Кириямы в школу и для Тайти, и для остальных членов КрИКа прошли спокойно. По крайней мере, насколько мог судить сам Тайти.

«Высвобождения желаний» происходили, но каких-то длительных проблем не создавали.

Напряженность в отношениях их компании сошла на нет, сменившись чувством покоя; это,

пожалуй, было значительной переменой к лучшему.

Лишь Инаба продолжала держаться в стороне от остальных.

Настала пятница, день внешкольного мероприятия.

Погода была безоблачная, безветренная, спокойная.

Когда Тайти пришел в школу, на спортивной площадке собралось уже немало первоклассников в повседневной одежде. Школа, но все в повседневной одежде; однако странным это не выглядело. Атмосфера царила жизнерадостная.

Лишь несколько девушек шумно жаловались, что не могут достаточно красиво одеться, потому что придется много ходить.

Тайти нашел взглядом одну из групп. И направился к ней.

В жакете цвета хаки с капюшоном поверх полосатой футболки и брючках – Иори Нагасэ. Естественное одеяние, никакой деланности – именно это придавало Нагасэ очень взрослый вид и очаровывало.

В клетчатом полупальто и узких джинсах – Юи Кирияма. Одеяние явно продуманное с точки зрения удобства движений, но при этом создающее яркий девичий облик.

В подчеркивающем фигуру черном джемпере и облегающих длинные ноги брючках – Химэко Инаба. Очень простой стиль, но от Инабы с ее модельной фигурой в этом одеянии было просто глаз не оторвать. Такое и на рекламную страницу в журнале не стыдно поместить.

И наконец, в чем-то вроде парки – Аоки.

Кружок исследования культуры при старшей школе Ямабоси в полном составе.

– Доброе утро, – поздоровался Тайти.

Все с улыбками поздоровались в ответ.

…Нет, не все: Инаба вернула взгляд с довольно кислым видом.

С ними сейчас происходило нечто очень важное. Нечто экстраординарное. И тем не менее они как-то держались.

Возможно, благодаря тому, что они вот такие люди.

Всех по-прежнему обуревала тревога – они не знали, что им делать.

Возможность, что кто-то из них сорвется, причинит кому-то боль, по-прежнему скалила клыки на Тайти и остальных.

В этой ситуации им следовало держаться чуть в стороне от всех остальных, не членов КрИКа. Но сами они должны были быть вместе. И они хотели быть вместе.

Они верили, что, если объединят усилия, смогут преодолеть и этот кризис.

И лишь Инаба, несмотря на все попытки Тайти сотоварищи как-то подойти к ней, за последние два дня стала относиться к ним еще жестче, чем прежде.

Это несколько беспокоило.

Тайти уже сказал ей, что, если что-то случилось, они ей помогут в любой момент, но поскольку никакой конкретной проблемы вроде как не было, то и поделать ничего было нельзя.

Но хорошо бы оказалось, что дело лишь в том, что Инаба не может пока разобраться со своими чувствами.

■□■□■

Собравшись, все погрузились в заказанные автобусы и поехали на гору, выбранную местом назначения.

Выгрузившись у подножия горы, ученики начали примерно часовой пеший подъем. Впрочем, уклон был очень пологий. Все преодолевали дорогу без особых проблем.

Если говорить о проблемах, которые таки возникли, то у Нагасэ в процессе подъема произошло «высвобождение желаний» в форме «желания покапризничать (?)», и она прильнула к Тайти со словами «Аа, не хочу идти, не хочу, понеси меня».

Руководитель класса 1-3 Рюдзен Гото, у которого никаких «высвобождений желаний» происходить было не должно, нудил, обращаясь к Инабе: «Уу, лезть на гору с похмелья – просто кошмар, спаси меня, Инаба-сан…» – на что она его отчитывала (хотя, как ни посмотри, а должно было быть наоборот): «Ты должен был знать, что сегодня экскурсия! Иди нормально, тупой учитель!»

Они добрались до места назначения – некоего заведения, расположенного на склоне горы на полпути к вершине. Здесь группам предстояло разделиться и начать готовить карри… по идее. Однако возникла мелкая проблема.

Староста Майко Фудзисима, прибывшая заранее и получившая необходимые объяснения от владельца заведения, в свою очередь, объяснила Тайти и компании:

– В общем, половина групп сможет пользоваться новыми печками и мойками, а половине придется пользоваться старыми, обветшалыми.

Если бы они забронировали это заведение заранее, оно бы полностью подготовило продукты и, естественно, кухонные принадлежности. А так – поскольку оно ветшало, то в одной его части, похоже, шли ремонтные работы. Из-за ограниченного бюджета полностью отремонтировано оно не было, поэтому половина оборудования была сверкающей и новой, а вторая – древней, готовой вот-вот развалиться.

Обычно все пользовались только новой половиной, но на этот раз людей было слишком много, так что это вряд ли получится.

Поэтому решено было устроить состязание между группами в «камень-ножницы-бумага». Победившие группы будут пользоваться новой утварью, проигравшие – старой.

– Тайти, удачи!

– Яэгаси-кун, если проиграешь – накажу.

– Поддерживаю, Фудзисима-сан. Эй, Яэгаси, не вздумай проиграть.

Подбадриваемый (и отчасти запугиваемый) Нагасэ, Фудзисимой и Ватасэ, Тайти как делегат от их группы пошел играть в «камень-ножницы-бумага».

– Говорю же, я хреново играю в «камень-ножницы-бумага»…

– Все в порядке, Тайти, ты свою неудачу уже израсходовал, – с улыбкой произнесла Нагасэ. Это была улыбка человека, безоговорочно верящего в победу. Настолько ослепительная, что Тайти даже смотреть на нее прямо не мог.

Представителем группы решено было назначить того, кто проиграет в «камень-ножницы-бумага» (потому что он не израсходует свою удачу). И Тайти шикарным образом проиграл трижды подряд.

– Эй, Тайти… Выиграй там.

– Тогда почему бы тебе… Эээ, Инаба?!

– …Почему ты так удивился моим словам?

– Не, не… я не удивился.

Давненько Инаба не обращалась к Тайти. Может, ситуация повлияла? Возможно, внешкольное мероприятие на них всех хорошо подействовало.

– Но… как-то эмоционально у тебя получилось, – пробормотал Тайти. Инаба тут же сделала сердитое лицо.

– Эй, ты вот это хорошо рассмотрел?

Она указала на древнюю мойку.

Похоже, этой мойкой в последнее время не пользовались: она была забита сухой листвой.

– Работать в таких негигиеничных условиях?! Мы и так-то будем готовить под открытым небом!.. – сжав кулаки, прорычала Инаба.

Химэко Инаба была слегка помешана на чистоте.

В «камень-ножницы-бумага» Тайти вчистую продул.

Старую печь и мойку, как ни посмотри, перед использованием следовало почистить.

Поскольку все произошло по его вине, Тайти первым и начал чистить.

Собрал мусор, отнес на помойку.

Как раз перед этим к помойке подошла Инаба. Громко цокая языком, она тоже выбрасывала мусор.

– Это… Извини, – сказал Тайти. Инаба снова цокнула языком.

– …Да ладно. …Но почему ты такой слабак в «камень-ножницы-бумага», а? Ты ведь Иори и Ватасэ тоже все время проигрывал? Насколько же тебе может не везти?

Это ему тоже хотелось бы знать.

– Кстати, утром я прочел в гороскопе, что у меня максимальное невезение… Наверно, это и такую форму может принимать… ай? Смотри, здесь обрыв, опасно.

Совсем рядом с помойкой склон уходил круто вниз.

– Если свалишься, можешь и помереть. Смотри не свались, мальчик-невезунчик.

– Кто, я? Да отсюда можно упасть, только если специально пытаться.

– Правда? …И вообще, что ты на меня смотришь с такой ухмылкой?

– Не, просто… Инаба, мы с тобой вот так уже бог знает сколько не разговаривали.

– Чт-!.. Не… Блин… Гх!

Лицо Инабы залилось краской, а потом исказилось в гримасе отвращения.

– Ты что, меня так сильно не любишь?

– Заткнись! – крикнула Инаба через плечо и быстро зашагала прочь.

Все группы разделились и приступили к готовке.

Группа Тайти под руководством Фудзисимы распределила обязанности: для начала Тайти, Нагасэ и Инаба занялись продуктами. Самопровозглашенная защитница любви, Фудзисима явно нарочно дала им совместную работу.

Помыть овощи, затем порезать.

Нагасэ беспорядочно заговаривала то на одну тему, то на другую, но Инаба реагировала слабо, и разговор не клеился.

У Инабы испортилось настроение, видимо, из-за недавних слов Тайти. Возможно, это была ошибка с его стороны.

Нагасэ старалась изо всех сил. Тайти, чувствуя себя виноватым, тоже искал подходящие темы для беседы.

– Нагасэ… здорово у тебя получается, – произнес Тайти, внезапно заметив это.

– Ну, я же дома достаточно много готовлю.

И действительно, Нагасэ показывала себя просто мастерицей.

– Ээ… а у Инабы… малость грубовато выходит.

Инаба с громким стуком опустила нож.

Черт. Зря он это сказал так прямо.

– Тайтии…

Нагасэ уставилась на него укоризненно.

Инаба задрожала всем телом – а в следующий миг ее раскосые глаза распахнулись на всю ширину.

О нет, неужели «высвобождение желаний»?

У нее сейчас в руке острый предмет – это плохо. Очень плохо.

Если потребуется, он должен остановить Инабу даже с риском для жизни. Тайти приготовился.

– Тайти, не смотри на меня свысока! Потому что я суперсерьезна! Показать?!

Инаба подалась вперед и направилась к Тайти.

Такая внезапная сердитость – это «высвобождение желаний», ошибки быть не могло… Но почему? Ее что, так раздосадовало сказанное им «грубовато»?

– Иори, а тебя Тайти чуть похвалил, и ты уж в восторге!

Почему-то следующую атаку она направила на Нагасэ.

– Че, чего это ты вдруг?!

– Заткнись! Короче, будет битва! По скоростному нарезанию огурцов для салата! Тайти, если я

выиграю, ты это признаешь! Поехали!

И, уже не обращая внимания на Тайти и Нагасэ, Инаба принялась резать огурцы.

Ровно в этот момент к ним подошла Фудзисима, занятая приготовлением риса, – посмотреть, что у них происходит.

– О, вот что значит близкие друзья. Все-таки я не ошиблась, что поместила вас в одну группу.

«Ага, как же», – мысленно огрызнулся Тайти.

Нарезав примерно треть огурцов, Инаба вдруг застыла.

Судя по тому, что она только резала огурцы, сейчас у нее закончилось «высвобождение желаний».

– …Мне надо немного остыть, – с покрасневшим лицом произнесла Инаба.

– К-конечно, – в унисон ответили Тайти и Нагасэ.

Какое-то время Тайти с Нагасэ занимались готовкой.

Но Инаба все не возвращалась. Слегка беспокоясь, Тайти решил отправиться ее искать.

Он быстро прокладывал себе путь через шумные группы.

– Почисти морковь! – Ее чистить необязательно, нечищеная она даже лучше. – Тут огонь слишком сильный. – Ай, обжегся!

Многие жаловались, что работа медленная и надоедливая, но в основном все веселились, как могли.

– И куда Инаба запропастилась… а.

Взгляд Тайти уткнулся в Кирияму и Аоки.

Похоже, они веселились вместе со всем своим классом.

Тут Аоки помахал Кирияме рукой.

Кирияма с вопросительным выражением лица подошла к нему.

Аоки сделал жест, будто говорит что-то на ухо; Кирияма, не произнеся ни слова, откинула от уха свои длинные волосы и повернулась этим ухом к Аоки.

Очень естественное движение.

Без намека на стеснение.

Аоки нагнулся и, будто прилипнув к Кирияме, что-то ей сказал.

Кирияма дослушала Аоки безо всякого отвращения, и они, глядя друг на друга, вдвоем засмеялись.

В этот момент и подумать было немыслимо, что у Кириямы андрофобия.

Чувствовалось, что они духовно связаны друг с другом.

Тайти решил, что мешать им сейчас было бы плохо, и не стал подходить с вопросом, не знают ли они, где Инаба.

Походив кругами, Тайти так и не нашел Инабу и с неохотой вернулся к своей группе – куда Инаба, как оказалось, вернулась раньше него.

Хотелось бы ему, чтобы ему дали знать раньше.

– Прости. Мобильник тут не ловит, – извинилась Нагасэ. Инаба же молча сверлила его взглядом, и на лице ее было написано: «Сам виноват».

– Яэгаси-кун. Что это ты от работы косишь? Тот рис, который подгорел, придется съесть тебе. А, и я не про поджаристый. Хороший поджаристый рис поделим на всех.

Он еще и Фудзисиму рассердил. Более того, из-за него группа Фудзисимы оказалась в отстающих.

Другие группы одна за другой заканчивали работу, а группа Тайти едва начала.

– Может, хватит уже, а, Фудзисима-сааан… – вялым от голода голосом проговорил Ватасэ.

– Нет, надо еще подождать.

По непонятной причине Фудзисима была странным образом одержима приготовлением карри. Она добавила оригинальный набор специй и, похоже, хотела строго выдержать нужное время варки. Для нее это явно было нечто большее, чем школьное мероприятие.

– Быстрей же, Фудзисима-сааан, – замученным голосом просила и Нагасэ.

– Еще чуть-чуть… еще чуть-чуть. Добавляю последнюю специю…

Несмотря на эти слова, Фудзисима ничего не сделала, лишь смотрела на часы.

Ждать, вдыхая аромат, который лишь подстегивал аппетит, было настоящей пыткой.

Инаба ничего не говорила, но видно было, что и она в раздражении.

– …Всё! Можно! – дала наконец разрешение Фудзисима.

Тайти и компания, голод которых достиг максимума, шикарно согласованными движениями разложили карри по тарелкам.

– Приятного аппетита! – и все принялись уписывать еду.

– Вкуснятина!

– Лучшая приправа – это голод… точнее, любовь!

Если не обращать внимания на шутку Фудзисимы, карри было невероятно вкусным.

■□■□■

Сидя за столом под ясным небом, они уплетали рис с карри. Тайти, Иори, Фудзисима, Ватасэ весело болтали; Химэко Инаба молча слушала эту их болтовню. Когда к ней обращались, она давала подходящие ответы и продолжала потихоньку есть свое карри.

На пути к мойкам образовался ручеек из тех, кто уже закончил обед и теперь нес туда свою посуду. Инаба тоже встала.

Совместно приготовленное карри оказалось на удивление неплохим. Даже не неплохим, а очень вкусным.

– Вкуснотень была, да, Инабан? – обратилась к ней Иори, уже успевшая помыть посуду и

теперь возвращающаяся на свое место.

– Угу, – вроде бы очень естественно ответила она.

Что бы она ни делала, контактировать с остальными приходилось часто, бывали и опасные ситуации, но она твердо настроилась как-то всё перетерпеть.

Лицо Иори расслабилось, точно она была рада.

Ее улыбка могла бы сделать счастливой даже Инабу.

Инаба всей душой желала всегда быть там, где есть эта улыбка.

Она положила посуду в раковину.

– Эй, Инаба! У тебя что, кровь идет?! – спросил непонятно когда появившийся рядом Тайти.

– А? – Инаба удивленно развела руками. Она не понимала, о чем он.

– Вон, вон там.

Тайти схватил ее за левую руку и повернул так, чтобы она видела.

– А…

На левом указательном пальце был заусенец, и он действительно кровоточил. Когда это случилось? Она даже не заметила.

– Никаких «а».

Тайти открыл кран и потянул Инабу за руку. И, не спрашивая мнения Инабы, принялся мыть ей руку.

– Эй, я сама, дурак!

Инаба поспешно вырвала руку.

– А, ну ладно. Только хорошо мой, чтоб микробы не попали.

Как раз в этот момент его позвал Ватасэ, и Тайти отошел от Инабы.

Ей-богу, вот любитель совать нос в чужие дела. Даже смешно.

Инаба уставилась на свой левый указательный палец. Кровь больше не шла, как будто ранка появилась совсем давно.

Промытому под водой пальцу должно было быть холодно, но Инаба почему-то ощутила жар.

Настолько сильный, что, подумала она, даже вода может испариться.

Грудь сдавило.

[…]

Она мягко приложила указательный палец к губам.

И пальцу, и губам было одинаково жарко. Похоже, это не было ее собственное тепло.

Жар охватил все тело.

Грудь сдавливало просто безумно.

Чувствуя во рту сладкий привкус и не желая с ним расставаться, она все же медленно отодвинула палец…

– …Инабан, неужели…

Сердце заколотилось так, что, казалось, кровь потекла в обратную сторону.

Вздрогнув всем телом, Инаба повернулась на голос.

Там, изумленно распахнув глаза, стояла Иори.

Сердце колотилось все сильнее. Инаба не могла дышать.

Что успела увидеть Иори?

Что она сама показала?

Когда? Множество бессмысленных вопросов забивало ей голову.

Действительно бессмысленных. До идиотизма бессмысленных.

Она такой человек, но в то же время она женщина.

И женская интуиция подсказала ей.

Иори снова заговорила.

– Инабан, неужели ты в Тайти…

По па лась.

Намеки, подводящие к этой мысли, были и раньше. Самый яркий пример – то, что случилось, когда феномен только начался.

Она отмахнулась, сказав, что это было из-за «сексуального влечения». Убедила себя, что так произошло бы рядом с любым парнем.

Но что если на самом деле рядом с любым не произошло бы?

Иори готова была произнести следующее слово.

Поддерживаемый Инабой баланс того места вот-вот рухнет.

А ведь до сих пор он был почти идеальным.

Почему.

Нет. Прекрати. Не хочу слушать.

Не хочу разрушать. Хочу сохранять.

Хоть она и не считала, что способна на такое, это устремление было ее единственной поддержкой.

Дорогое для нее место.

Она не хотела его лишиться.

Не хотела, чтобы все закончилось.

Не хотела думать, что все закончится.

Она понятия не имела, что с ней будет, когда она поймет, что все закончилось.

Поэтому, поэтому, поэтомупоэтому…

Химэко Инаба со всех ног понеслась прочь.

Она бежала в горную глушь, где не было дороги и лишь тонкие деревца стояли то тут, то там. Под ногами шуршала палая листва, но земля была ровная, и бежалось легко.

Сзади доносились голоса, но Инаба пропускала их мимо ушей.

Только бежать. Ничего больше, только бежать. Бежать, топча траву.

Если на прямой было препятствие, она оббегала его за минимум шагов, а потом находила самую дальнюю от себя точку.

Было ощущение, что за ней кто-то гонится.

Но она не оборачивалась. Смотрела только вперед.

Глупо, сверхглупо, до отвращения сверхглупо.

Почему она вела себя так безрассудно?

Произошло «высвобождение желаний»?

Ей показалось, что она услышала [голос].

И в то же время показалось, что не услышала.

То действие само по себе было дурацким. Едва она так подумала, как почувствовала, что сходит с ума.

Она расслабилась? Ее дух оказался слабее, чем она думала?

Она пыталась быть осторожной, и тем не менее.

Она была уверена, что то чувство – лишь временная горячка.

Она должна была уже задать свои приоритеты.

Дыхание стало сбиваться.

В горле пересохло.

Подступила тошнота.

С каждым шагом земля под ногами становилась все более неровной.

Несколько раз Инаба почти споткнулась.

И все равно продолжала бежать.

Почему?

Может, то, что она удачно скрывала это последние несколько дней, – лишь удача?

Когда происходят «высвобождения желаний», скрывать что-либо невозможно?

Из-за Халикакаба она теряет свое место в жизни?

Теряет самое дорогое, что хотела защищать больше всего?

Случится ли еще хоть раз в ее жизни, что ее, такую недостойную, хоть ненадолго признают другом такие хорошие люди?

Нет. Сколько ни думай, а ответ – нет.

Для такого человека, как она, запереться в своей унылой комнате – самое то.

Она желала недостижимого.

Папье-маше когда-то стареет, ветшает. Она это знала.

И все же ей казалось, что ее маска хороша и прочна.

Сильная и надежная Химэко Инаба лелеяла светлую мечту, что она сможет оставаться со всеми.

Но это все осталось в прошлом.

Она с трудом удерживала свою маску из папье-маше, но громадная дырка образовалась в том месте, где она не ожидала. И вода полилась неостановимо.

Самым важным было оставаться там, где все.

Такая мелочь, но для нее она была невероятно велика.

Почему она желала еще чего-то сверх этого?

Какая она глупая. Это ведь лишь естественно, что жадность человека разрушает его самого?

Только пока длится этот феномен. Только пока длится этот феномен, не ошибаться с дистанцией, только пока длится этот феномен, не дать им заметить – так она думала.

С выросшими без ее ведома чувствами она как-нибудь разберется потом, когда нынешний феномен завершится.

И тем не менее, темнеменее-темнеменее-темнеменее-темнеменее-темнеменее – почему?

Что делать, если вернуться к началу уже невозможно?

Чтобы хоть чуть-чуть оторваться от своей тревоги, Инаба бежала.

Она стремилась к миру, в котором никого нет.

■□■□■

Сбежать, сбежать, сбежать, сбежать, сбежать.

Она думала, что если сбежит сюда, в это бескрайнее место, то сможет избавиться от своих

ошибок.

Но, естественно, это было невозможно.

Инабе придется посмотреть в глаза реальности.

Ноги забились молочной кислотой, в легких засаднило, и в конце концов Инаба остановилась. Ноги подогнулись, и она опустилась на колени.

Между возвышающимися деревьями была маленькая открытая площадочка.

Инабе почудилось, что это и есть «мир, в котором никого нет», однако тут же ее надежда разбилась вдребезги.

– Инабан… Инабан… Инабан…

Голос раз за разом повторял ее имя, перемежая его тяжелым дыханием.

Изначально менее выносливая Инаба не смогла оторваться от Иори.

Но она все равно не обернулась.

Пыталась отдышаться, упершись взглядом в землю.

В голове была вата.

Что делать? Что будет? Иори. Как выбраться? Снова обмануть? Она снова не заметит? Достойный способ. Возможность. Ее… нет.

Самые разные мысли перепутались в голове; в конце концов они так и не обрели форму, и все залило белым.

По коже пот. Капли, выступившие первыми, испарялись, крадя тепло тела.

Жар смешался с холодом.

И тело, и голова, и все чувства были в хаосе, не желали приходить в порядок.

Но хотела она того или нет, а время шло, и колотящееся сердце мало-помалу успокаивалось.

Как и у Иори.

– Скажи… почему… Инабан… Скажи, почему…

Мокрый, дрожащий голос прозвучал в пространстве, где не было других звуков, кроме издаваемых этими двоими.

– Скажи, Инабан… Инабан, ты тоже… в Тайти влюбилась?

Нет. Не спрашивай. Не хочу слышать. Хочу заткнуть уши. Но тело само по себе застыло, не желает слушаться.

Непоправимое уже случилось.

Когда Инаба ничего не ответила, раздался хрустящий звук шагов.

Инаба почувствовала руку на своем плече, и эта рука заставила ее развернуться.

Перед глазами все расплывалось, но она увидела лицо Иори.

На этом залитом слезами лице на миг отразилось изумление.

Интересно, какое сейчас выражение лица у самой Инабы? Она даже представлять себе это не хотела.

– Почему… – снова пробормотала Иори и, сделав несколько шагов назад, осела на землю. – Ведь, Инабан… Ты же всегда… всегда говорила… что мы с Тайти должны быть вместе… и тем не менее… почему…

Иори схватилась за голову. Как будто в растерянности, не понимая, какое выражение лица сейчас надеть.

– Значит, Инабан, ты тоже… про Тайти думаешь, что он тебе нравится… Но это «нравится»… не такое, как «нравится как друг»?..

Перед глазами все исказилось. Изо рта едва не вырвался всхлип.

– Тогда почему… почему ты так сводила меня с Тайти?.. Ты пыталась отдать его мне?.. – выдавила Иори. Инаба помотала головой.

Что еще за «отдать», она и не собиралась думать в таком ключе. То, что надо свести этих двоих, она сама изначально решила.

– Но если ты пыталась отдать его мне… Инабан, почему тогда… у тебя такое лицо, будто ты мучаешься?

Лицо, будто она мучается? Ну да.

Она мучается, мучается, мучается.

Тут голос Иори прервался.

Яростным рывком Иори встала.

– Объясняй давай, Химэко Инабаааа!

Резкая перемена. На лице написан гнев. Глаза горят пламенем ярости.

Как ни посмотри, а такая внезапная перемена – «высвобождение желаний», да?

Но это не имело значения. Потому что существо перед ее глазами – все равно Иори Нагасэ, этого никак не изменить.

– Объясняй! Объясняй! Объясняй давай!

Эх, рушится. Мир, который она хотела защитить, рушится.

– Если сейчас же не скажешь, мы больше не подругиии!

Пожалуйста, остановись. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, не надо дальше, пожалуйста.

Она больше не могла этого выносить.

– Но ведь… но ведь… но ведь… иначе мы не сможем остаться впятером…

Она вдруг заметила, что заговорила.

Она неприглядно разрыдалась.

Слезы ручьями текли по щекам.

– Почему мы не сможем остаться впятером?!

Всхлипывая под допросом Иори, Инаба отчаянно выдавила:

– Но ведь… когда парень и девушка вместе… если у них появляются эти странные отношения, любовь… дружбе приходит конец… Скажешь, нет?!

Что правильно, а что нет, она не понимала. Потому что она никогда ни в кого не влюблялась. Потому что она никогда ни с кем близко не сдруживалась. Потому что она никому в этом мире не верила.

Потому что она всегда была одна.

– Аоки любит Юи… И Юи тоже как-то особо не против… И Иори, ты тоже хочешь, чтобы тебя кто-то поддерживал… и естественно, это должен быть Тайти… Если Иори и Тайти будут вместе… будет очень… очень мирное решение всего… Разве нет?..

Если так будет, все пятеро останутся вместе. И дорогое Инабе место будет сохранено.

Она больше всего любила то, что они вместе, впятером, и то место; и поделать с этим она ничего не могла.

– Что за идиотские… Ты дура, что ли?! Мирное решение… Это… Я и не думала, что Химэко Инаба… Химэко Инаба настолько дура!

От этого яростного выплеска эмоций Иори внутри Инабы тоже что-то взорвалось.

То, что она до сих пор ото всех прятала, никому не показывала, вырвалось наружу.

Она уже не пыталась это остановить.

– Я всегда была одна! Всегда, всегда одна! Но в старшей школе впервые появились люди, которых я могла назвать друзьями… Поэтому… я ни за что не хотела это потерять! Но как это все правильно сберечь… я не понимала!

Очень долго ей было одиноко.

А потом перестало быть одиноко.

Когда она поняла «не одиноко», ей стало невыносимо страшно вернуться к «одиноко».

На миг Иори застыла. Лишь моргала, глядя Инабе в лицо.

Потом вдруг лицо ее расслабилось, взгляд стал острым, и она заорала:

– Мы же ни черта не знаем! Если тебе одиноко, так скажи, что тебе одиноко! Если тебе так тревожно, что ты можешь все потерять, то так и скажи! Мир состоит не только из догадливых людей вроде тебя! И если ты хочешь, чтоб недогадливые догадались, то скажи! Может, ты стесняешься, может, беспокоишься, но все равно скажиии!

Сказать такое – это без шансов.

Выказать такую слабость – это без шансов.

Она должна быть сильной Химэко Инабой.

Иначе остальным она будет не нужна.

Она не сможет создать для себя место в жизни.

– И почему ты так по-идиотски ничего нам не говоришь?!

– Но… но что я должна делать?!

– Да ничего можешь не делать! – проорала Иори, тряся растрепавшимися волосами.

– Это… это невозможно! Такие, как я, никчемные, мерзкие, низкие…

Такие люди.

– Что еще за «такие, как я»! Не смей о себе так говорить!

– Но как иначе-то! Я же не «хороший человек», как вы!

– Но что тогда делать мне – я ведь люблю вот такую Химэко Инабу?!

При этих словах у Инабы остановилось дыхание. Она забыла дышать.

Только слушала тяжелое дыхание Иори.

– Я люблю тебя, Инабан! Правда люблю! И если ты не въезжаешь, могу еще сколько угодно раз повторить! И не только я, мы все тебя страшно любим!

Иори говорит, что вот такую ее – любит?

Это… но…

– Но это же притворство… Я притворяюсь сильной Химэко Инабой, которая все может… На самом деле я вот такая… слабая и ужасная…

– Я люблю даже такую Инабан, даже ту, которая плачет! Нет, неверно, Инабан. Химэко Инаба – гораздо лучший человек, чем думает Инабан! …Нет, тоже неправильно. Это тоже неправильно.

Иори отчаянно замотала головой. И Инабе показалось, будто эмоции Иори разлетаются из ее головы и падают на нее, Инабу.

– Люди не бывают «хорошими» и «плохими»! Нет такого простого разделения, Инабан. Какая, черт возьми, разница между мной и тобой?! Разве мы не одинаковые, Инабан?! Мы одинаковые, Инабан! Послушай, поверь мне! Я… если я для Инабан «хороший человек», то поверь хотя бы тому, что этот «хороший человек» тебе говорит!

Она, Инаба, такая же, как Иори, – вот все, что Иори говорила.

Иори искренне, всей душой была в этом уверена.

Это явно были не пустые слова.

Потому что сейчас у Иори… «высвобождение желания».

Хватит уже.

Хватит.

– Все в порядке, Инабан! Инабан, даже если ты не будешь так лезть вон из кожи, я всегда буду считать тебя подругой! Нет, «буду считать» странненько звучит. Я хочу всегда быть подругой Инабан! Пожалуйста, будь моей подругой!

…Даже если она попробует поверить, это ничего?

– Аа… Я… всегда хотела… чтобы кто-нибудь мне так сказал…

Вместе с новыми слезами сами собой покатились слова.

Даже не сильную Химэко Инабу. Даже не уверенную, надежную Химэко Инабу. Даже вот такую, слабую, жалкую Химэко Инабу.

Все равно ее любят по-настоящему.

Даже если поверить в это и раскрыться, все равно все будет в порядке, да?

Даже без этой своей маски она все равно сможет быть со всеми, да?

Лишь сейчас она наконец-то так подумала.

– …Спасибо.

Она ощущала благодарность всем сердцем.

Возможно, глубоко в душе она всегда желала, чтобы кто-то вот так сильно сказал ей «люблю».

Чего-то большего она и не желала.

Того, что она услышала эти слова, уже было более чем достаточно.

– Спасибо тебе… Иори. За то, что ты мне, жалкой, сказала такие слова. Но сейчас уже… поздно. В нынешней нашей ситуации… уже ничего не поделаешь. Я… не буду мешать тебе и Тайти… И потом… я не хочу рушить связи между членами КрИКа… Поэтому я в кружок больше… не вернусь.

Она сама не заметила, как слезы прекратились.

– Почему? – спросила Иори.

Ее взгляд пронзил Инабу, точно стрела.

«Высвобождение желания» уже закончилось? Или еще нет?

Вздрогнув, Инаба ответила:

– Потому что… это было бы жутко неловко… Разве тут что-то поделаешь?

– Почему будет такая атмосфера?

Холодный, даже угрожающий голос.

Иори продолжила:

– …Нет, сперва другое. Инабан, ты только что сказала, что свести вместе Аоки с Юи и нас с Тайти – это «мирное решение», но… Инабан, если свести тебя с Тайти, это ведь тоже мирное решение, разве нет? Почему ты так не сделала?

– Нет… это… Я с самого начала решила, что так не пойдет… Иори и Тайти… вы просто созданы друг для друга…идеальная пара… И потом, и потом, я про Тайти особо и не думала… Ой, нет, я и сейчас особо не…

– Да сколько ж можно самой себе врать-то?! – выкрикнула Нагасэ с такой силой, что, казалось, вот-вот кровь из горла пойдет.

– …Почему врать… Я особо не врала…

– По-моему, так делать глупо, но… ты ведь изо всех сил пытаешься сохранить связь между нами пятерыми? Ты уверена, что это самое дорогое для тебя?

Да. Так и есть.

– Но даже если ты думаешь, что все может сломаться… все равно ведь ты любишь Тайти… настолько, что уже не можешь сдерживаться, да?! Иначе бы с тобой сейчас не было вот такого?!

Этот возглас… засел у Инабы в груди.

Эти эмоции. Эти чувства. Эта боль, разрывающая грудь.

– Если ты хочешь две вещи, и если стоит тебе взять одну из них, как потеряешь вторую, – когда так случится, как ты поступишь, Химэко Инаба?!

Потрясенная словами Иори, Инаба ответила на рефлексе, впечатанном в спинной мозг:

– Я выберу… ту, которая для меня по-настоящему важна…

– Неправильно! Надо попытаться схватить обе, ясно, Химэко Инаба?!

Иори прокричала это слишком громко, и ее голос сорвался. Похоже, у нее заболело горло. Но она продолжала кричать. Не для кого-то, а для нее, Химэко Инабы.

– Ты же Инабан, неужели ты так не можешь?! Ты же Инабан, неужели ты не можешь стащить у подруги парня и не чувствовать себя при этом виноватой – ведь это было бы лучшим решением?! Если ты решила что-то сделать, так сделай! Какими бы плохими ни были твои шансы, ни за что не отступайся! Не признавай поражение! Ведь в этом же и есть вся Химэко Инаба, разве нет?! Надменная, оскорбительно вежливая, манипулирующая людьми ради собственного блага, выполняющая все, что говоришь, это… и есть Химэко Инаба, разве нет?!

Какой человек Химэко Инаба?

Каким человеком хочет стать Химэко Инаба?

– И в первую очередь, даже если ты этого не сделаешь…

Иори смолкла и сделала глубокий вдох. Словно готовясь сказать завершающие слова. И усилием всего тела выжала из себя воздух:

– …Дружба Иори Нагасэ и Химэко Инабы не развалится, даже если они будут соперничать за любимого парня!

Тут Иори перевела дух. Снова сделала глубокий вдох и уже спокойным тоном добавила:

– Я уверена в этом. …Поэтому, Инабан, если ты снова вернешься в кружок и не будешь ни о чем беспокоиться, все будет в порядке.

Прекратившиеся было слезы потекли вновь – отчаянным усилием Инаба их сдержала.

Закусила губу. Шмыгнула носом. Подняла голову. Стерла слезы, собравшиеся в уголках глаз.

Что ни делай, все равно она слабая. Она это тщеславно прятала, обманывая других. Обманывала и продолжала обманывать. И в конце концов перестаралась.

Она считала себя никчемным человеком.

Она в себя не верила.

Она себя ненавидела.

Но нашелся кто-то, кто любит даже такую ее.

Нашелся кто-то, кто подбадривает такую ее.

Хотя для Иори не было смысла говорить ей это.

Иори сильная. А ведь она прежде смотрела на Иори свысока.

Она хотела стать такой же сильной.

На этот раз – не псевдо, а по-настоящему, истинно сильной Химэко Инабой.

Она хотела стать таким человеком.

Поэтому Инаба хлопнула себя по подкосившимся ногам. Не надеясь на чью-нибудь руку, сама, собственным усилием поднялась. Обеими ногами твердо встала на землю. Резко выпрямила спину. И, уперев руки в боки, заговорила.

Ради той, кто сказала, что любит ее.

И ради самой себя.

– Ясно… Я поняла! Больше… я ни о чем не буду сожалеть!.. Больше… не буду себя недооценивать!.. И если уж на то пошло… я собираюсь тебя… полностью, абсолютно победить! И конечно, тебе я ничего не оставлю!

Во время этой речи она несколько раз порывалась плакать, но все же договорила до конца. И не отводила глаз от Иори. От соперницы в любви, от боевого товарища, от лучшей подруги, от Иори.

Иори вернула такой же прямой взгляд. И, дослушав слова Инабы, мягко, ласково улыбнулась.

Ее улыбка была настолько очаровательной, что Инаба, хоть и сама женщина, запросто могла бы влюбиться.

– Только учти, Инабан, я не собираюсь ни проигрывать, ни отдавать тебе Тайти. Точнее – ты думаешь, что сможешь меня победить?

После этих слов улыбка ее стала смелой и нахальной.

Инаба тоже улыбнулась в ответ. Как давно она в последний раз вот так улыбалась?

– Есть много способов победить девушку, которая может похвастаться только милотой, – ответила она.

– Злюка ты, – с улыбкой сказала Иори.

– Но… если вдруг все-таки я проиграю… то выложусь по полной, чтобы никакой неловкости в отношениях между нами всеми не возникло. …Особенно чтобы Тайти не страдал.

Она сможет. Уж она-то – сможет. И сделает.

Поэтому она станет жадной.

Про то, чего она хочет, она будет открыто говорить, что хочет этого, и сможет это заполучить.

– Надеюсь. Я тоже буду стараться.

И после этих слов впервые с самого начала феномена «высвобождения желаний» напряжение в ее сердце схлынуло.

Из-за того, что она постоянно была в напряжении, сейчас она от усталости едва не упала.

– Кстати, Иори… а ты чертовски радикальная.

Чертовски неожиданное открытие. В какой степени оно было вызвано «высвобождением желаний», она не знала.

Иори сделала такое лицо, будто пропустила внезапный удар. Потом, словно погрузившись в задумчивость, пробормотала:

– Это… «я»?

– …Даже не знаю. Но, по крайней мере, те слова, которые ты говорила только что, вроде бы шли от самого сердца.

Иори, улыбаясь, медленно кивнула.

– А… кстати, когда у меня началось «высвобождение желаний» и когда закончилось?..

У Иори тоже было о чем беспокоиться. Она сильный человек, но подверженный перепадам. Сейчас она, Инаба, должна сделать что-то ради Иори. Так она подумала.

В этот момент

с лица Иори внезапно пропало всякое выражение.

Лицо стало настолько бесстрастным, насколько обычный человек сделать не способен.

Такое бесстрастное лицо Инаба прежде видела у Рюдзена Гото.

– Это… Пожалуйста, не поймите меня неправильно… – безжизненным тоном произнесло создание, принявшее облик Иори Нагасэ… Халикакаб.

– Что за хрень… Ты, что тебе тут нужно?!

Сама она не видела, но слышала от Тайти. Что Халикакаб, вселившись в Иори, спрыгнул в реку. Что, заняв тело Иори, он подверг ее жизнь опасности.

– Нет, честно говоря… я появляться не собирался, но… как бы это сказать… Если я объясню заранее, это будет интересно… точнее, хорошо…

– Не понимаю, о чем ты.

Казалось, у нее в голове вот-вот лопнут кровеносные сосуды.

– Нет-нет, я просто хочу сделать поинтереснее… Ой, я разве не объяснил? …Ну неважно. В общем… Яэгаси-сан упал. Сам упал.

Сознание Инабы залило белым.

– Скажу честно… Я ничего не сделал… И тем не менее… Почему он это сделал… самопожертвовательный олух? Это поистине потрясающе… Я бы, конечно, смог до такой степени все рассчитать, но… Яэгаси-сан, естественно, на это не способен… а?

Инаба бросилась бежать.

Она неслась со всех ног тем же путем, каким прибежала сюда.

С Иори ведь все будет в порядке, если ее оставить одну? «Будет в порядке», – на миг вспыхнуло у нее в мозгу. Необходимость верить словам этого типа раздражала, но следовало признать: Халикакаб не выказывал никакой враждебности. Им двигало лишь то, что эти типы называют «интересно». Ему происходящее просто нравилось, так что вряд ли Иори умрет.

А Тайти?

Он дурак. Прирожденный дурак. Способен на что угодно, только чтобы спасти кого-то другого. Что может произойти, когда высвобождается его «желание»?

Едва Инаба услышала, что он упал, ей сразу пришло на ум то место.

Скалистый обрыв.

Она вспомнила слова, которые сама же когда-то произнесла.

«Сейчас-то ты не помрешь?»

Что и как у него сейчас произошло, она не знала, но этот дурак способен делать все, что угодно, по самым немыслимым причинам.

Вот почему Инаба мчалась со всех ног.

Легкие болят. Грудь болит. Горло болит. Ноги болят. Локоть, ушибленный при падении, болит.

Пока бежала, она вдруг подумала: а почему, собственно, она так спешит? Однако ноги просто не могли остановиться.

Она понятия не имела, какое расстояние ей еще надо пробежать. Была даже опасность, что она выбрала неверное направление. Если думать об эффективности и надежности, то ей следовало бы хоть раз остановиться. Так мысленно говорила хладнокровная часть ее.

И все равно ноги не могли остановиться. С трудом работая стонущими от боли мышцами, она продолжала бежать вперед.

Все тело было в ранах. Звучит пафосно, но, видимо, на самом деле фигура ее представляла собой жалкое зрелище. Видимо, бежала она неуклюже, как дура. Настолько, что, увидь ее сейчас ничего не знающий человек, наверняка засмеялся бы.

Уродливая. Жалкая. Она хотела остановиться, махнуть на все рукой. Не хотела выглядеть дурой. Не хотела, чтобы на нее смотрели презрительно, как на слабачку. Хотела выглядеть

сильной. В ней вспухли самые разные эмоции, но все их сдуло в один миг.

Зачем она вообще парится по поводу того, как выглядит со стороны? Пусть кто хочет смеяться, тот смеется. Сейчас ее ведет вперед лишь одно стремление. Быть честной с собственными желаниями. И быть честной ради подруги, которая сказала ей быть честной.

Она бежала вперед. Деревья стояли все реже. Впереди показался свет. Послышались голоса людей.

Она уже столько пробежала, а тут ноги внезапно остановились.

В ушах шумело собственное дыхание. Сердце колотилось как сумасшедшее.

Что случилось? Она не понимала. Однако ноги словно вросли в землю и двигаться не желали.

Это страх? Да, страх. Отчаянно рвущийся наружу страх: что она будет делать, если ее руки окажутся не нужны? Вдруг ее уже бросили?

Вдобавок еще был страх, что ее увидят вот такой. Если нынешнюю ее увидят, образ Химэко Инабы в глазах всех изменится раз и навсегда. Тот имидж, который она выстраивала до сих пор, рухнет. А останется посреди этого разрушения нечто мелкое и неприглядное.

Она будет выглядеть бесполезной, ненужной.

И даже если она выйдет в своем обычном виде, не факт, что сможет как-то помочь Тайти.

Опять-таки – оправдание.

Придумывать оправдания она мастерица.

Делая так, она постоянно убегала. Не выпуская наружу истинную себя. Даже если она страдала, не выпускала на поверхность, обманывала всех, притворяясь, что ее это не касается.

В то же время это значило, что то, чего она на самом деле хотела, она не добивалась.

А сейчас – добивается.

Она хочет быть честной с собой.

Она хочет поверить в себя ради человека, сказавшего, что любит ее.

Поэтому, поэтому, поэтомупоэтому…

Химэко Инаба снова зашагала вперед.

Уставшие ноги дрожали. Колени не слушались. Но она шла вперед.

Свет становился все ярче. Голоса – все громче. Она закусила и сомкнула губы. Тяжело дышала через нос.

Наконец она вернулась на изначальную площадку.

Взгляд метнулся по сторонам. Послеобеденная уборка практически закончилась, народ играл в разные игры с мячом. Несколько человек, увидев ее, стали показывать пальцами.

А на самом краю поля зрения обнаружилась скамейка, где неподвижно лежал Тайти Яэгаси…

http://tl.rulate.ru/book/51682/1302366